

DOI 10.23859/1994-0637-2018-1-82-11  
УДК 82-31(17.82.31)

© Розанов Ю.В., 2018

**Розанов Юрий Владимирович**

Доктор филологических наук, профессор,  
Вологодский государственный университет  
(Вологда, Россия)  
E-mail: rosanov007@gmail.com

**Rozanov Yurii Vladimirovich**

Doctor of Philology Sciences, Professor,  
Vologda State University  
(Vologda, Russia)  
E-mail: rosanov007@gmail.com

**ВАРЛАМ ШАЛАМОВ И ЛЕВЫЙ  
ФРОНТ ИСКУССТВ<sup>1</sup>**

**VARLAM SHALAMOV AND THE  
LEFT FRONT OF THE ARTS**

**Аннотация.** В статье рассматриваются и комментируются два эпизода из мемуарной книги В.Т. Шаламова «Двадцатые годы», посвященные встречам начинающего писателя с руководителями и теоретиками группы ЛЕФ – С.М. Третьяковым и О.М. Бриком. Эти сцены описаны с помощью популярного в литературе 1920-х годов приема остранения, когда автобиографический герой как бы не понимает внутреннюю суть эпизода, описывая лишь его внешние проявления и признаки. В работе делаются предположения о причинах использования Шаламовым подобной поэтики.

**Abstract.** The article considers and comments on two episodes from V.T. Shalamov's memoir book "The Twenties", that is dedicated to the meetings of the beginning writer with the leaders and theorists of the Left Front of the Arts (LEF group) – S.M. Tretyakov and O.M. Brick. These scenes are described using the *ostranenie* (*distancing*) technique, popular in 1920-ies, when the autobiographical character deliberately doesn't understand an inner essence of an episode, describing only its external manifestations and attributes. There are some assumptions about the reasons for using such poetics by Shalamov in the article.

**Ключевые слова:** В.Т. Шаламов, литературная группа, мемуары, Левый фронт искусств, «война этажей», остранение, «литература факта», «музыка факта», литературная учеба

**Keywords:** V.T. Shalamov, literary group, memoirs, the Left Front of the Arts, "the floors' war", *ostranenie*, "the literature of fact", "the music of fact", literary studies

**Введение**

В мемуарах «Двадцатые годы», созданных в начале 1960-х годов, В.Т. Шаламов описывает свою жизнь в послереволюционной Москве. Юный провинциал, решивший стать писателем, странствует по литературным местам столицы, посещает разнообразные литобъединения, кружки, поэтические вечера, диспуты... Он, подобно мифологическому персонажу, ищет истину, которая для него в данный момент заключается в поиске места, «где живет поэзия» [10, с. 54]. Отметим одну особенность этих исканий – отсутствие РАППа – Российской ассоциации пролетарских писателей, наиболее могущественной на тот момент литературной структуры. Шаламову, который скрывал в Москве свое «поповское происхождение», прикрывая его коротким рабочим стажем на кожевенном заводе, логичнее было бы пробиваться в литературу «от станка», через рапповские студии и филиалы. Напомним, что после разгрома Пролеткульта, именно РАПП прибрала к рукам все его многочисленные учебные подразделения. По такому пути пошел, например, Михаил Шолохов в

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»).

сходной ситуации. Шаламов уже тогда понял, что РАПП имеет отношение к политике больше, чем к литературе. «Рапповцы привешивали литературным противникам ярлыки по типу “чем вы занимались до семнадцатого года”», – запишет он позднее [10, с. 33].

Шаламов посещает конструктивистов (кружок при журнале «Красное студенчество», которым руководил Илья Сельвинский), заседания редакции издательства «Круг» и журнала «Красная нива» (группа Воронского «Перевал»), выступления Луначарского, Асеева, Маяковского, Кирсанова, Виктора Шкловского, Эдуарда Багрицкого. Больше всего внимания мемуарист уделяет группе ЛЕФ и авторам, с ней связанным. ЛЕФ – Левый фронт искусств – литературная группа, возникшая в конце 1922 года в Москве. Наиболее активными членами группы были Николай Асеев, Борис Арватов, Осип Брик, Борис Кушнер, Владимир Маяковский, Борис Пастернак, Сергей Третьяков, Николай Чужак. Свою родословную «лефы» (так они себя называли) вели от футуристов.

### **Основная часть**

Шаламов застал ЛЕФ в период глубочайшего кризиса, идейного разброда: в 1927 году порвал с организацией Б. Пастернак, в 1928 закрылся журнал, в начале 1929 года группа в связи с гонениями на все «левое» сменила название на РЕФ (Революционный фронт), в нее отказались войти Третьяков и Чужак, в начале 1930 года вождь ЛЕФа и РЕФа Маяковский перешел в РАПП и группа фактически перестала существовать. Кризисное состояние ЛЕФа и свое скептическое отношение к его основным идеям Шаламов передает художественными средствами. Вот сцена встречи мемуариста с поэтом, журналистом и теоретиком группы Сергеем Михайловичем Третьяковым:

*– Надо сделать вот что, – говорил Третьяков, сидя за письменным столом, аккуратно покрытым толстым стеклом, – надо взять дом. Старый московский дом. Тот, что стоит на углу Мясницкой. И описать все его квартиры: людей, которые там живут, стены, мебель. Снять «фотографию» дома. Мы обязательно сделаем эту работу [10, с. 57].*

Предложение Третьякова выглядит абсурдным, даже глупым. Акцентируя внимание на этой абсурдности, Шаламов как бы подыгрывает читателю 1960-х годов. В вышедшем в то время томе «Краткой литературной энциклопедии» сказано: «Левовцы... выдвинули теорию «литературы факта», отрицавшую художественный вымысел и требовавшую освещения в искусстве фактов новой действительности без беллетристических “искажений”. <...> Подобные теории практически вели к ликвидации искусства» [11, с. 171]. На самом деле Шаламов знал то, чего не мог знать его читатель. В теории «литературы факта» была своя логика, был смысл, обусловленный той исторической ситуацией, своя революционная привлекательность. Литературная молодежь 1920-х годов в этом хорошо разбиралась, поскольку «фактовики» едва ли не главной своей задачей считали миссионерскую работу с начинающими авторами и доходчиво объясняли им свои идеи. Теоретик Левого фронта Н.Ф. Чужак специально для «молодняка» составил «Писательскую памятку», в которой логично и убедительно объяснил, почему современная литература должна быть «литературой факта»: «Надо отказаться от «литературы вымысла» в пользу «литературы факта», тем более что революция уже перестроила жизнь по-новому и нет никакого резона писателю, а вслед за ним и читателю, уходить от этой жизни в сферу художественных вымыслов и иллюзий. Наша советская действительность интересней, важнее и прекрасней всякого вымысла, поэтому «новая литература – это и есть литература утверждения факта» [7, с. 15]. Это объясняет многое в эпизоде с Третьяковым, но не

все. Почему же из огромного количества материалов для «литературы факта» Третьяков предлагает молодому Шаламову сделать описание многоквартирного дома в центре Москвы и его обитателей? Шаламов знал причину такого предложения, но скрыл ее от читателей.

Московские власти постановили, что членами жилищных кооперативов могут быть только граждане, имеющие «общеполитические избирательные права». Другими словами, количество и качество жилой площади ставилось в прямую зависимость от социальной значимости и политической лояльности гражданина. Проиллюстрируем создавшуюся ситуацию диалогом профессора Преображенского и швейцара Федора из повести М.А. Булгакова «Собачье сердце»:

– А в третью квартиру жилтоварищей вселили...

– Ну-у?...

– Точно так. Целых четыре штуки.

– Бо-же мой! Воображаю, что теперь будет в квартире. Ну и что ж они?

– Да ничего-с!

– А Федор Павлович?

– За ширмами поехали и за кирпичом. Перегородки будут ставить... Во все квартиры, Филипп Филиппович, будут вселять, кроме вашей. Сейчас собрание было, постановление вынесли, новое товарищество. А прежних в шею [1, с. 460].

Левовцы как идейные коммунисты с их обостренной жадой социальной справедливости горячо поддерживали это решение. Однако его практическая реализация сталкивалась с большими трудностями, во многих случаях оказывалась невозможной. Граждане, которые должны были отдать лишнюю площадь или перебраться из квартир на верхних этажах на первые этажи и в полуподвалы, находили множество сравнительно законных способов сохранить статус кво. Ситуация получила название «война этажей». Профессор Преображенский уберег квартиру с помощью своих высокопоставленных пациентов, но были и другие варианты. Н. Чужак в своей «Памятке» приводит перечень защитных действий: «Начинается с того, что юрисконсульты влиятельных газет печатно разясняют обиженным «гражданам» их права: к какому бы союзу им приписаться, какому судье лучше пожаловаться и по какой статье. <...> В результате от прекрасного постановления остается лишь один приятный жест...» [7, с. 16]. Комментируя это место из наставлений Чужака современный исследователь Е. Добренко замечает, что «речь идет об обычной квартирной склоке» [5, с. 71]. На самом деле вопрос более важный – о принципах большевизма и их разложении, активно начавшемся в период НЭПа.

Если симпатии Булгакова в «Собачьем сердце» на стороне «верхних этажей», то комсомольский поэт Александр Безыменский в поэме «Война этажей» всецело поддерживает «нижние». В сложной литературной конфигурации этого времени Безыменский почти союзник левовцев. Однако поэма вызвала у идеологов ЛЕФа лишь глухое раздражение. Н. Чужак в той же «памятке» назвал ее «шумным маршем», «повышенно-восторженной» поэмой, оторванной от реальных фактов. «Если бы Безыменский как-то сам был связан с той войной, которая пошла по домам, он очень скоро убедился бы, что дело вовсе не в патетике..., а в непосредственном и ежедневном преодолении ... нудных и отвратных трудностей» [7, с. 16]. Но в такого рода борьбу «комсомольский поэт» ввязываться не стал, он, по словам левовцев, просто «дезертировал» с этого участка фронта.

Следующий пассаж Чужака дает полное представление о том, что же хотели руководители ЛЕФа от молодых литераторов, например, от Шаламова, в ситуации «войны этажей»: «Нам нужен был тогда рабкор – в стихах или в прозе, безразлично, – который бы был так или этак с нами, ежедневно отмечал нашу борьбу и наши не-

задачи, «вдохновлял» бы нас, черт возьми, – это ведь тоже нужно! – и всячески вообще в стихах и в прозе продвигал бы с нами нашу драку, вплоть до полного одоления. Это не было бы, вероятно, поэмой, но ... лучше маленькая рыбка, чем большой таракан» [7, с. 16]. Другими словами, руководителям ЛЕФа нужны были рабкоры-осведомители, которые наблюдали бы за конкретными домами и квартирами и – «все равно, в стихах или в прозе» – разоблачали все способы защиты конкретных жильцов верхних этажей от «подселений» и «переселений». Вот что подразумевалось под «профессиональным» советом Третьякова Шаламову «снять фотографию дома». При всем уважении к идеологу ЛЕФа, рабкором-стукачем Шаламов быть не захотел и от такого «социального заказа» отказался.

Встречу с другим теоретиком ЛЕФа – О.М. Бриком – Шаламов описывает также в стилистике «остранения», если воспользоваться термином В. Шкловского. Прием «остранения» («делать странным») был популярен в русской литературе 1920-х годов. Автобиографический герой, от имени которого идет повествование, как бы не понимает внутренний смысл явления, описывает лишь его внешнюю сторону, что делает эпизод действительно странным и даже слегка комичным.

*Узнав, что я интересуюсь футуризмом и ЛЕФом! – девушки... пригласили меня в литературный кружок, которым руководил Осип Максимович Брик. В ближайший четверг я пришел в Гендриков переулок... «Занятия» кружка меня поразили... Брик, развалясь на диване, неторопливо начал: – Сегодня мы собирались поговорить о станковой картине. – Он задумался, поблескивая очками. – Впрочем... моя жена недавно приехала из Парижа и привезла замечательную пластинку «Прилет Линдберга на аэродром Бурше после перелета через Атлантический океан». Чудесная пластинка. – Завели патефон. – Слышите? Как море! Это шум толпы. А то мотор зарокотал. Слышите выкрики? А это голос Линдберга. Пластинка, безусловно, заслуживала внимания [10, с. 53–54].*

В годы, когда Шаламов писал свои мемуары, в сознании читателей установилось почти однозначное отрицательное отношение к ЛЕФу. «ЛЕФ... был одновременно и салоном, и вертепом, и штурмовым отрядом, и коммерческим предприятием», – определял суть группы Ю. Карабчиевский [6, с. 161]. Центром этого многофункционального образования считалась семейство Бриков, тот самый «салон». Если о Лилии Юрьевне существует обширная литература, вплоть до монографических исследований, то фигура Осипа Максимовича изучена несравненно меньше. Действительно, из документальных свидетельств о Бrike вырисовывается малопривлекательный, а то и зловещий образ. Его друг и соратник В. Шкловский в книге «Третья фабрика» (1926) с восторгом пишет о том, как Бrique удалось обмануть военное начальство и избежать отправки на фронт в Первую мировую [12, с. 107–109]. М.М. Пришвин обвиняет Брика в организации политической провокации против него [2, с. 325–326]. А.Н. Бенуа фиксирует в дневнике разговоры о незаконных операциях «московского Брика» с валютой и драгоценностями [8, с. 58]. Типичен пассаж в мемуарах Романа Гуля: «... Осип Брик начал свою карьеру как «юрисконсульт» Петроградской ЧеКа при Гришке Зиновьеве. <...> Какова могла быть «юрисконсультация»? Как расстреливать? В лоб или в затылок? Нет. Ося Брик занимался более тонкой «консультацией»: например, формулировкой обвинений против расстрелянного поэта Николая Гумилева, нахождением в его поэзии «контрреволюционности», «реакционности». Брик же был «литературовед», ну вот и работал в ЧК по специальности. Позже, в Москве, Брики были друзьями омерзительного, высокого ранга чекиста Якова Сауловича Агранова, в «салоне» которого бывали писатели...» [4, с. 195]. Еще одна легенда, упоминаемая во многих источниках, рассказывала о том, что Сергей Есенин написал на двери той самой квартиры в Гендриковом переулке остроумную эпи-

грамму: «Вы думаете, что Ося Брик – исследователь русского стиха. / На самом деле он шпик и следователь ВЧК». Конечно, большинство этих сведений не соответствовало действительности, но вполне определенную репутацию они создавали. Шаламов, как видим, не поддается общей тенденции, но явная ирония в подаче эпизода присутствует.

Мемуарист описывает лишь одно занятие кружка, да и оно идет не по первоначальному плану руководителя. Между тем, в этом кратком и тоже несколько «остраненном» описании можно увидеть некоторые важные для ЛЕФа позиции. Группа успешно распространяла свою идеологию и эстетику на другие виды искусства: живопись, театр, кино, архитектуру. Например, станковая живопись (о ней предполагалось вести разговор на описываемом занятии кружка) должна развиваться под влиянием фотографии и в итоге слиться с нею. Сложнее было с музыкой – самым абстрактным видом искусства. Н. Чужак предлагал вообще исключить музыку из сферы интересов группы, а заодно и из общей системы искусства коммунистического будущего: «Стоит ли культивировать... музыку как некий сконденсированный шарманный шум..., – когда тысячами лучших... шумов бьется неподдельная реальная жизнь» [9, с. 12–13]. И вот Брику попалось музыкальное произведение, которое напрямую отражало факты реальной действительности!

Речь здесь идет о музыке Курта Вайля и Пауля Хиндемита к «учебной радиопьесе» Бертольда Брехта «Полет Линдберга» (1929), посвященной перелету прославленного американского летчика по маршруту Нью-Йорк – Париж в мае 1927 года. Вайль и Хиндемит, яркие представители немецкого музыкального авангарда, в порядке эксперимента создали ряд произведений, как они сами называли, «*Gebrauchsmusik*» («публичной музыки»), которые напрямую, часто даже на фонетическом уровне, отражали значимые общественные события и факты. Первый одиночный полет Чарльза Линдберга через Атлантический океан в эпоху необычайной популярности авиации таким событием, безусловно, был. Собственно, это и привлекло теоретика ЛЕФа, который искал в принципе очень редкие примеры «музыки факта».

### Выводы

Шаламов описывает только два своих контакта с ЛЕФом, да и те поданы в мемуарах с позиции остранения. Автобиографический герой, подивившись странности левовских теоретиков, проходит мимо, продолжая свои поиски. Можно предположить, что на самом деле Шаламов имел более тесные связи с группой Левый фронт, и дело не ограничивалось двумя мимолетными встречами с лидерами движения, но в годы создания воспоминаний предпочел умолчать об этом. Одна из причин этого – негативная репутация руководителей ЛЕФа, особенно четы Бриков, как в советских официальных кругах, так и в среде близких к Шаламову интеллектуалов-диссидентов 1960-х годов. Литературовед из поколения «шестидесятников» и известный правозащитник С.И. Григорянц в недавнем интервью сотруднику «Мемориала» вспоминал: «Шаламов рассказывал, как он ходил на левовские семинары по стилю прозы, которые проводил С. Третьяков в доме у Бриков» [3]. Такой факт более соответствует общей мировоззренческой позиции писателя, его «левому тренду».

### Литература

1. Булгаков М.А. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. Киев, 1989. 766 с.
2. Варламов А. Пришвин. М., 2003. 548 с.

3. Григорянц С.И. Подводя итоги. URL: <http://vgrigoryants.ru/podvodya-itogi/shalamov-tekst-video-intervyu>
4. Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции: в 3 т. Т. 1. М., 2001. 560 с.
5. Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб., 1999. 558 с.
6. Карабчиевский Ю. Воскресение Маяковского. Мюнхен, 1985. 326 с.
7. Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа. М., 2000. 560 с.
8. Уход Блока. Записи А.Н. Бенуа в дневнике 1921 года // Наше наследие. 2005. №74. С. 50–64.
9. Чужак Н. Под знаком жизнестроения // ЛЕФ. 1923. №1. С. 12–13.
10. Шаламов В. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М., 2004. 1072 с.
11. Швецова Л.К. ЛЕФ // Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. М., 1967. С. 171–172.
12. Шкловский В. Гамбургский счет. СПб., 2000. 464 с.

### References

1. Bulgakov M.A. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works: in 2 vol.]. Kiev, 1989, vol. 1. 766 p.
2. Varlamov A. *Prishvin* [Prishvin]. Moscow, 2003. 548 p.
3. Grigorianc S.I. *Podvodia itogi* [Summing up]. Available at: <http://vgrigoryants.ru/podvodya-itogi/shalamov-tekst-video-intervyu>
4. Gul' R. *Ia unes Rossiю. Apologiia emigracii* [I took Russia away. Apology of emigration: in 3 vol.]. Moscow, 2015, vol. 1. 560 p.
5. Dobrenko E. *Formovka sovetskogo pisatel'ia. Social'nyie i esteticheskie istoki sovetskoi literaturnoi kul'tury* [Moldovka Soviet writer. Social and aesthetic origins of Soviet literary culture]. St Petersburg, 1999. 558 p.
6. Karabchievskii Iu. *Voskresenie Maiakovskogo* [Resurrection of Mayakovsky]. Munchen, 1985. 326 p.
7. *Literatura fakta: Pervyi sbornik materialov rabotnikov LEFa* [Literature of the fact: The first collection of materials of LEF workers]. Moscow, 2000. 560 p.
8. Uhod Bloka. Zapisi A.N. Benua v dnevnike 1921 goda [Block's leaving. Records A.H. Benois in the diary of 1921]. *Nashe nasledie* [Our heritage], 2005, no. 74, pp. 50–64.
9. Chuzhak N. Pod znakom zhiznestroeniia [Under the sign of life]. *LEF*, 1923, no. 1, pp. 12–13.
10. Shalamov V. *Novaia kniga: Vospominaniia. Zapisnye knizhki. Perepiska. Sledstvennyie dela* [New book: Memoirs. Notebooks. Correspondence. Investigation cases]. Moscow, 2004. 1072 p.
11. Shvecova L.K. LEF [LEF]. *Kratkaia literaturnaia enciklopediia* [Short literary encyclopedia]. Moscow, 1967, vol. 4, pp. 171–172.
12. Shklovskii V. *Gamburgskii schet* [Hamburg reckoning]. St Petersburg, 2000. 464 p.

---

Розанов Ю.В. Варлам Шаламов и левый фронт искусств // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №1 (82). С. 79–84.

For citation: Rozanov Y.V. Varlam Shalamov and the left front of the arts. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 1 (82), pp. 79–84.